

Тот надрывный плач лишил Цянь Яо последних сил. К вечеру у него начался сильный жар, и юноша тяжело занедужил. Болезнь была долгой, но вместе со слезами и потом из него, казалось, наконец вышли все тревоги и страхи, что тяжким грузом давили на сердце последние дни.

В лихорадочном беспомоществе он впервые за долгое время спал по-настоящему крепко. Разум погрузился в вязкую мглу, в которой не было места воспоминаниям — только всепоглощающая сонливость. Больной спал так беспробудно, будто сама природа пыталась отгородить его от жестокого мира. Лишь изредка сквозь пелену забытья Цянь Яо смутно чувствовал, как кто-то бережно приподнимает его голову, чтобы напоить водой или дать лекарство.

Когда он наконец пришел в себя, то почувствовал странную тяжесть во всем теле. Раскрыв глаза, юноша обнаружил, что укрыт несколькими слоями толстых одеял. Ему было невыносимо жарко и душно, пот катился градом, а одежда насквозь пропиталась влагой — хоть выжимай. Он словно только что выбрался из глубокого пруда.

Но, несмотря на слабость, в голове прояснилось. Дух окреп, а в конечностях наконец появилась забытая легкость. Цянь Яо сбросил лишние одеяла и сел, с наслаждением вдыхая прохладный воздух.

Одеяла, наваленные на него поверх собственного, были такими же серыми и грубыми — обычное имущество дворцовых слуг. Юноша сразу понял, откуда они взялись. Он обернулся: на кроватях Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы остались лишь тонкие подстилки. В комнате никого не было — должно быть, соседи ушли на дежурство.

Видно, они побоялись, что во время жара он простудится, и перед уходом укрыли его своими постелями. Цянь Яо коснулся грубой ткани, и в его душе разлилось тепло. С тех пор как он попал в этот мир, ему было трудно приспособиться к местным порядкам, но люди, окружавшие его, были на редкость добры. Сяо Суйцзы был ему как брат, но и Сяо Фуцзы с Сяо Цюаньцзы, будучи ему чужими людьми, никогда не завидовали его успехам и преданно ухаживали за ним во время болезни.

Юношу захлестнула волна искренней благодарности. Похоже, правду говорят: болезнь приходит стремительно, словно гора рушится, а уходит медленно, будто нить вытягивают из кокона.

Недуг, который раньше казался Цянь Яо смертельным приговором, отступил так же внезапно, как и начался. Сейчас он чувствовал необычайную бодрость, вот только липкий пот мешал наслаждаться выздоровлением. Больше всего на свете ему хотелось помыться.

У евнухов было свое Управление бань, но это была общая помывальня, где всегда толпился народ. Обычно юноша давал немного серебра тамошним служителям, чтобы те пустили его в часы затишья, но сейчас, при свете дня, там наверняка было не протолкнуться. Пришлось

набраться терпения.

Цянь Яо с тоской представил себе прежнюю жизнь.

«Эх, сейчас бы в современный мир, где душ доступен в любую минуту...»

Он уже раздумывал, не сходить ли в Управление топливом за горячей водой, чтобы хотя бы обтереться, когда за дверью послышались шаги. На пороге появился Сяо Фуцзы. Он весь съежился от холода и, едва войдя, поспешно притворил дверь, растирая покрасневшие руки. Вид у него был такой, будто на улице стояла несусветная стужа.

— Снег идет? — спросил Цянь Яо. В ту секунду, когда дверь была открыта, он успел заметить в воздухе танцующие белые хлопья.

Собеседник вздрогнул, не сразу осознав, что друг очнулся, и тут же просиял от радости:

— Ты наконец-то проснулся!

— Я... я долго спал? — виновато поинтересовался Цянь Яо, почесывая затылок.

— Три дня! Целых три дня ты пролежал без памяти, мы уж не знали, что и думать.

Сяо Фуцзы подошел и прикоснулся ладонью к его лбу.

— Слава богу, жар спал.

Его рука была ледяной, точно кусок мрамора, и это случайное прикосновение почему-то напомнило Цянь Яо о руках этого пса-императора — таких же холодных. Сяо Фуцзы, заметив его реакцию, быстро убрал руку и снова натянул на него одеяло.

— Укройся хорошенько, не хватай холод. Сегодня на улице лютый мороз.

Юноша не стал спорить, видя заботу друга, и лишь слабо улыбнулся:

— Но зачем столько одеял?

— У нас в комнате угля нет, вот и пришлось греть тебя как умеем, — ответил Сяо Фуцзы, помогая ему лечь поудобнее. — Воды хочешь? Сейчас принесу свежей.

В горле у Цянь Яо пересохло, и он с готовностью кивнул. Чай в чайнике на столе давно остыл,

поэтому друг выскочил за дверь и вскоре вернулся с горячим отваром. Для простых евнухов чай заваривали из самых дешевых остатков, вкус у него был резкий и горький, но юноша, мучимый жаждой, осушил три чашки подряд, прежде чем почувствовал облегчение.

А следом пришел голод. В животе предательски заурчало, и Сяо Фуцзы, услышав это, довольно хмыкнул:

— Проголодался?

— Угу, — смущенно подтвердил Цянь Яо.

— Скоро должны принести твой обед.

Услышав это, юноша сразу вспомнил, что теперь еду ему разносит Сяо Суйцзы. Он преобразился от предвкушения и едва не вскочил с кровати, чтобы выбежать навстречу другу, но Сяо Фуцзы удержал его:

— Куда! Лежи, на улице стужа. Поешь прямо здесь, в постели.

— Но это как-то... нехорошо...

— Глупости. Больному всё прощается. К тому же ты не представляешь, как я рад, что у тебя проснулся аппетит. После того, что было на прошлой неделе... Мы правда очень за тебя боялись.

Цянь Яо посмотрел на него, и горло перехватило от волнения. Он хотел сказать так много, но в итоге выдал лишь простое:

— Спасибо. Спасибо вам всем, что присматривали за мной.

— Да брось ты, — Сяо Фуцзы махнул рукой. — Мы ведь тоже не в обиде остались. Ты всегда делился с нами своими деликатесами, а пока ты болел, мы с Сяо Цюаньцзы доедали твои порции. Столько лет во дворце живем, а такой вкуснятины и в глаза не видели.

Цянь Яо понимал, что тот пытается его приободрить, и не стал спорить, но в глубине души поклялся не забывать этой доброты.

Вскоре дверь снова отворилась — в комнату, борясь с ветром, вошел Сяо Суйцзы. В руках он бережно держал короб с едой, а его одежда была припорошена снегом. Сяо Фуцзы бросился помогать ему отряхиваться.

— Опять метель усилилась?

— Да не то слово. Слуги на дорожках только расчистят путь, как через минуту всё снова заносит.

Сяо Суйцзы обернулся и, увидев, что Цянь Яо сидит в постели, буквально просиял.

— А-Яо, ты пришел в себя!

Мальчик поставил короб на пол и хотел было обнять друга, но, вспомнив, что он весь продрог, вовремя отстранился.

— Сяо Суйцзы... — тихо позвал Цянь Яо.

— Слава небу, проснулся... — Голос мальчика дрогнул, глаза подозрительно заблестели, и он поспешно отвернулся, чтобы скрыть слезы. — Ты, должно быть, проголодался за столько времени.

Он открыл короб и достал миску с горячей кашей.

— На, поешь сначала это.

— Хорошо.

Цянь Яо взял миску в руки. Его желудок был пуст, но пока его разум был занят тревогами, он не чувствовал голода. Теперь же, когда страх отступил, аппетит проснулся с такой силой, что юноша едва не обжегся первой же ложкой.

— Да тише ты, давай я тебя покормлю, — заволновался Сяо Суйцзы.

— Не надо, не надо, — рассмеялся Цянь Яо. — Я же не маленький господин, сам справлюсь.

Он съел всю кашу до последней капли и принялся за паровые булочки. Друг смотрел на него с нескрываемым облегчением.

— Раз ешь — значит, скоро совсем поправишься.

— Я тоже так думаю.

После еды по телу разлилось приятное тепло. Та слабость, что преследовала его раньше,

исчезла без следа. Человек — на редкость живучее существо: еще несколько дней назад Цянь Яо казалось, что его жизнь кончена, но стоило выплакаться в объятиях друга, хорошенько выспаться и досыта поесть, как он снова почувствовал вкус к жизни.

Казалось, события последних дней были лишь кошмарным сном, от которого он наконец пробудился. События в подземелье всё еще жили в его памяти, но разум, кажется, включил защитный механизм: воспоминания подернулись дымкой, стали какими-то нереальными, и даже ужас, который они внушали, немного притупился. Спустя пару дней Цянь Яо окончательно встал на ноги.

Выздоровление принесло радость, но мысль о том, что придется снова возвращаться на службу к этому псу-императору, отравляла всё существование. То, что произошло той ночью, оставило в его душе слишком глубокий след. Теперь в глазах Цянь Яо император Ци Ань был никем иным, как самим владыкой подземного царства, Ямой.

Юноша панически боялся, что государь в любой момент может разгневаться и швырнуть его в те же застенки, но выбора не было. На третий день после его окончательного выздоровления пришел приказ: явиться на ночное дежурство.

Памятуя о прошлом уроке, Цянь Яо больше не смел даже в мыслях жаловаться на этого пса-императора. Он безропотно собрался и в назначенный час прибыл в опочивальню государя.

Ци Ань к тому времени уже закончил омовение и, полулежа на кровати, читал книгу. Видя, что монарх не торопится ложиться спать, Цянь Яо не решился приближаться и забился в самый дальний угол комнаты.

Для него государь превратился в грозное божество, и от былой дерзости подглядывать не осталось и следа. Слуга стоял, опустив голову, стараясь слиться с тенью и не смея шелохнуться. Он даже не заметил, как император отложил книгу и внимательно на него посмотрел.

В жаровнях жарко пылал уголь, в покоях было тепло и уютно — самая подходящая атмосфера для сна. К тому же Цянь Яо еще не до конца оправился от недуга, и вскоре его начала одолевать дремота. Но теперь он не позволял себе расслабляться: он незаметно ущипнул себя за ладонь, стараясь отогнать сон.

И в этот самый момент в тишине зала раздался спокойный голос:

— Слишком темно.

Цянь Яо вздрогнул всем телом, сон как рукой сняло. Он вскинул голову и встретился взглядом с императором. Тот смотрел на него прямо и испытующе.

Понимая, что эти слова обращены к нему, юноша поспешно схватил подсвечник и направился к кровати. Он хотел поставить его рядом, но все подставки для свечей уже были заняты. Не зная, куда деть огонь, Цянь Яо бросил растерянный взгляд на государя, но тот, словно нарочно, снова опустил глаза к книге, не обращая на него ни малейшего внимания.

Цянь Яо так и замер с подсвечником в руках. Через мгновение до него дошло, что он совершает непозволительную дерзость: император сидит, а он стоит рядом, возвышаясь над ним. Юноша поспешно опустился на колени, и от его резкого движения пламя свечи опасно задрожало.

Этот порыв не остался незамеченным. Ци Ань не поднял головы, но Цянь Яо кожей почувствовал, как внимание государя переключилось на него. Он похолодел от ужаса: неужели снова прогневал? Ему хотелось заглянуть императору в лицо, чтобы понять его настрой, но он больше не смел проявлять прежнюю вольность. Юноша еще ниже склонил голову, наивно полагая, что если не будет видеть угрозы, то и страх отступит.

Но это было бесполезно. Присутствие этого человека ощущалось почти физически, его аура давила на плечи, заставляя Цянь Яо трепетать. В теплой опочивальне по его спине стекал холодный пот.

— Почему ты дрожишь?

Голос императора был ровным, лишенным каких-либо эмоций, точно он просто констатировал факт. Цянь Яо осмелился чуть приподнять голову и увидел, что его руки, сжимающие подсвечник, действительно ходили ходуном.

— Я... нет... ваш раб...

Он хотел было повалиться ниц, моля о прощении за свою слабость, но не успел — что-то холодное и твердое коснулось его подбородка. Юноша опустил глаза: это была свернутая в трубку книга. Тот, кто ее держал, приложил совсем небольшое усилие, и Цянь Яо был вынужден поднять лицо.

Он встретился взглядом с молодым императором. Ци Ань смотрел на него так, словно видел впервые — очень внимательно, почти изучающе. От этого взгляда становилось не по себе: так осматривают вещь, проверяя, не повреждена ли она. Цянь Яо не смел шелохнуться.

При свете свечи, которую юноша держал в руках, государь не спеша оглядел его с головы до ног. Цянь Яо замер от дурного предчувствия, лихорадочно соображая, чем он снова не угодил, но мысли путались.

Прошло, казалось, целое вечность, прежде чем Ци Ань наконец убрал книгу. Юноша решил, что теперь-то ему позволят уйти или лечь спать, но император продолжал молча на него смотреть.

Когда Цянь Яо уже готов был окончательно потерять самообладание под этим тяжелым взглядом, император наконец заговорил. В его голосе слышалось то ли недовольство, то ли холодное заключение:

— Исхудал.

<http://bllate.org/book/15347/1417315>